

УДК 821.512.145

РЕАЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» И. САЛАХОВА

Р.Р. Габидуллин

Аннотация

Статья рассматривает литературное отражение сталинских репрессий второй половины XX века. Анализ производится на примере романа-хроники Ибрагима Салахова «Колымские рассказы» (1989 г.). Особое внимание уделяется рассмотрению описанных в романе эпизодов из жизни реальных личностей той эпохи.

Ключевые слова: Ибрагим Салахов, «Колымские рассказы», «лагерная проза», татарская литература, роман-хроника.

В наши дни становится очевидным, что «лагерная проза» прочно вошла в литературу, как проза деревенская или военная. Свидетельства очевидцев, чудом выживших, спасшихся, восставших из мертвых, продолжают поражать читателя своей обнаженной правдой. Возникновение этой прозы – явление уникальное в мировой литературе. Как заметил Ю. Сохряков, эта проза появилась благодаря «напряженному духовному стремлению осмыслить итоги грандиозного по масштабам геноцида, который проводился в стране на протяжении всего двадцатого столетия» (по цит. [1, с. 3]).

Все, что написано о лагерях, тюрьмах, острогах, – это своеобразные исторические и человеческие документы, дающие богатую пищу для размышлений о нашем историческом пути, о природе нашего общества и, что немаловажно, о природе самого человека, которая наиболее выразительно проявляется именно в чрезвычайных обстоятельствах, какими и были для писателей-«лагерников» страшные годы тюрем, острогов, каторги, ГУЛАГа...

В результате начавшейся в стране перестройки и обновления появилась возможность более подробного и объективного изучения «лагерной прозы». В русской литературе произведений, рассказывающих о жизни каторжников и заключенных, довольно много. Как обычно, русская литература опережает татарскую в освещении данной темы.

Появление в 1964 г. в печати рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» ознаменовало тот факт, что занавес, скрывающий засекреченную область советской действительности, начинает приподниматься. Своим рассказом А. Солженицын положил начало новому направлению в советской литературе, названному позднее «лагерной прозой» [1, с. 3].

После «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына данную тему в русской литературе освещало много писателей-«лагерников». В качестве примера можно

сослаться на следующие произведения: «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Ослепительная темнота» А. Кестлера, «Колымские рассказы» В. Шаламова и др.

В татарской литературе первым произведением, разоблачающим насилие и террор «открытым текстом», является роман «Колымские рассказы» татарского писателя, узника ГУЛАГа Ибрагима Салахова. Бесспорно, издание «Колымских рассказов» И. Салахова также послужило толчком для роста внимания к творчеству этого автора.

В течение своей творческой деятельности, включающей более 60-ти лет, И. Салахов пробовал себя в различных литературных жанрах, но особенно преуспел в самой объемной форме прозы – романе.

Роман-хроника «Колымские рассказы» (1989) является наивысшей точкой творческого развития И. Салахова. Здесь документально-публицистически разоблачается период сталинизма, раскрываются перед читателем «белые пятна» в истории, показывается та трагедия, которую пережила страна в период культа личности.

После И. Салахова данная тема в татарской литературе стала осевой в творчестве таких писателей, как А. Гилязов («Давайте помолимся!», 1991–1993), Г. Тавлин (роман-трилогия «Катастрофа», 1990–1995), Л. Бадышкан (роман «Вероотступник», 1994), Р. Карамии (роман «Проклятые этапы», 1995) и др.

После выхода из печати произведение «Колымские рассказы» получило высокую оценку со стороны таких критиков, как Т. Галиуллин, Ф. Галимуллин, Ф. Миннуллин, Р. Мустафин и др. Художественность произведения, своеобразие жанра, язык, система образов были положительно охарактеризованы в статьях литературоведов А. Гилязова, Ф. Миннуллиной, А. Сахапова и пр. Говоря короче, критика дружественно встретила роман-хронику и назвала произведение памятником, поставленным жертвам культа личности. Сама цель написания данного романа-хроники заключалась в том, чтобы обелить и воздать народу имена тех друзей и знакомых, которые встречались автору на этом пути тюрем и лагерей, чтобы, говоря словами автора, «показать трагедию тысяч и сотен тысяч бесправно погибших приверженцев революции». В «Колымских рассказах» через сложную судьбу автора открывается весь ужас эпохи культа личности, искаженная идея социализма. Система, созданная Сталиным и его сторонниками, опустила советского человека на уровень раба.

Несомненно, что «лагерная проза» имеет свои особенности, ей одной присущие. В своей статье-манифесте «О прозе» В. Шаламов провозгласил принципы так называемой «новой прозы»: «Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли. Плутон, поднявшийся из ада, а не Орфей, спустившийся в ад. Выстрадавшее собственной кровью выходит на бумагу как документ души, преобразованное и освещенное огнем таланта» [2, с. 429].

Главным героем «Колымских рассказов» является сам автор. И. Салахов использует героя-повествователя в качестве основного субъекта речи. Процесс становления героя очень непросто, хотя и весьма убедителен.

Сюжет произведения составляет множество событий, очевидцем которых был сам автор. По своей форме «Колымские рассказы» не соответствуют ни од-

ному привычному литературному жанру. В периодических изданиях это произведение называли по-разному: «документальная повесть», «повесть-воспоминание», «роман». Сам автор в статье «О “Колымских рассказах”» называет свое произведение романом [3]. По форме «Колымские рассказы» очень похожи на произведение А.И. Герцена «Былое и думы», потому что оба текста представляют собой синтез жанров: в них объединяются литературный очерк, публицистика, новелла, письма, ежедневник, мемуары, исторический роман-хроника, роман-трагедия, трагедия-хроника.

«Колымские рассказы» актуальны и как документальное произведение. Здесь дается много информации о таких реальных исторических личностях, как Г. Ибрагимов, К. Тинчурин, Ш. Усманов, С. Рафиков, Х. Туфан, М. Мути и др. Изображение отдельных эпизодов из жизни исторических личностей позволяет назвать данное произведение также документальным романом.

В действительности, описывая свою судьбу, И. Салахов сумел в широком плане изобразить жизнь многих других людей и всего общества и путем анализа творчески раскрыл новые стороны исторических изменений [4, б. 76].

В произведении чувствуется дыхание того периода и «крепость» сталинского духа. Сам того не осознавая, живя в сфере уничтожения, являясь жертвой сталинского режима, И. Салахов долгое время остается верным и преданным «отцу народов». Даже будучи взятым под стражу, студент еще по-детски размышляет: «Нежданно Господь сам открыл мне тюремные врата. Только бы не отправили домой, не впустив в тюрьму (ведь один из планов будет разрушен), тогда написание романа остановится на половине пути».

Но когда в стране идет яростная борьба за высокие посты, за право быть в рядах тех, кто вершит судьбы людей, оказывается не так-то просто выйти на свободу. Говорят: «Когда наказание хлещет через край, исчезают отличия между характерами людей». Один из героев В. Гроссмана проводит мысль о том, что в тюрьме совестливого человека от бессовестного отличает лишь то, что первый плохие поступки совершает неохотно. Возможно, он по-своему прав, так как судьбы заключенных не отличаются друг от друга, судьба у них общая [4, б. 70]. Это особенно отчетливо видно, если поделить систему образов в «Колымских рассказах» на два лагеря: первый – Сталин и его сторонники, второй – лагерь заключенных.

В романе герои демонстрируют несколько вариантов признания своей вины. После избиений, морений голодом, издевательств над человеческой гордостью, стояний на ногах в течение долгого времени и прочих диких методов допроса заключенный в полусознательном состоянии подписывает бумаги, сфабрикованные следователем, и с надеждой на что-то хорошее ожидает дня суда. Вместе с другими И. Салахов тоже верит в то, что высший юридический орган поймет его невиновность. Некоторые же догадываются о том, что приговор уже вынесен и суд лишь подпишет готовые заключения.

В «Колымских рассказах» на протяжении всего произведения присутствуют два собирательных, невидимых глазу условных образа: применение силы и страх. Будучи фактором композиции сюжета, страх определяет внутренний мир заключенных и даже направление незначительных событий в их судьбе.

Насилие – главная основа тоталитарной системы. Принуждение не только создает определенную атмосферу страха в обществе, но еще и становится причиной множества доносов друг на друга. Образ реальной личности следователя Бикчантая является ярким тому примером.

Оказалось, что низменность этого человека, который и внешне, и внутренним миром похож на хищника, не была полностью раскрыта И. Салаховым в «Колымских рассказах». Современница И. Салахова Е.С. Гинзбург, перенесшая на своих плечах такие же тяготы тех лет, в своем произведении «Крутой маршрут» преподносит данную личность следующим образом: «После нескольких сеансов, проведенных впустую, Бикчантаев с очень важным видом заявил, что в связи с непризнанием моей вины с завтрашнего дня доказывать ее будут при помощи показаний свидетелей. Новость, сказанная этим «индюшонком», была смехотворной... Сам же он в это время сидел за столом с тремя телефонными аппаратами с очень деловым видом, сверкая своей излучающей тупостью, сопящей бараньей мордой».

В «Колымских рассказах» делается упор на раскрытие одного из страшных преступлений сталинизма. Как свидетельствует произведение и как известно из истории, сталинские репрессии были направлены на уничтожение интеллектуальной силы народа. Поэтому под видом «врагов народа» первым делом уничтожались обладатели высокого интеллекта – государственные, общественные, научные и культурные деятели.

Одним из героев является реальная историческая личность, первый секретарь ВКП(б) Бауманского района города Казани Алкин. Автор изображает его не поддающимся превратностям судьбы, обладающим сильным характером. Алкин призывает своих сокамерников не падать духом и не поддаваться унынию. В романе автор показывает, как после возвращения с допроса избитый, еле живой Алкин, не обращая внимания на свое состояние, пытается поднять дух сокамерников и, чуть придя в себя, сразу же принимается за «общественную деятельность»: она заключается в том, чтобы передавать или получать новую информацию от заключенных в других камерах при помощи так называемого Бестужевского алфавита.

В романе Салахов также изображает деятеля, внесшего большой вклад в развитие татарской литературы и культуры, отдавшего не только свою силу и талант, но и всю свою жизнь служению народу, известного критика, великого ученого и педагога, общественного деятеля, бывшего в свое время деканом факультета языка и литературы в педагогическом институте, профессора Галимзяна Нигмати как человека, умеющего остаться искренним, отзывчивым, примером для подражания даже в самых трудных жизненных ситуациях.

В романе рельефно нарисован герой, привлекающий внимание особой трагичностью своей судьбы. Это руководитель управления культуры Татарстана Гений Республиканец. Автор уделяет особое внимание раскрытию этого образа, описывает его как человека с очень сложным жизненным путем. Трехлетнего сироту, у которого родители умерли от голода, кто-то сдает в казанский детдом. Коллектив детдома дает ему имя Гений и фамилию Республиканец, а чтобы было видно, что отцом мальчика был татарин, ему дают отчество Измайлович. В скором времени этот детдом разваливается, а мальчишку на воспита-

ние берет к себе Первый татарский стрелковый полк. Гений здесь воспитывается и получает высшее образование. Затем работает директором Татарского академического театра, а через несколько лет его назначают главой управления культуры Татарстана. Когда в 1936 г. поднимается вопрос об организации в Казани мемориального музея В.И. Ленина, за эту работу берется не знающий устал, талантливый организатор Гений Республиканец. Летом 1937 года, когда Гений по данному делу намеревался ехать в Москву к Н. Крупской, представитель НКВД пригласил Республиканца «на минутку» зайти в комендатуру. Таким образом он попадает в руки представителей машины уничтожения.

Жизнь Г. Республиканца заканчивается трагично. По словам его жены, после перенесенного в период культа личности Гений лечится в психиатрической больнице. Через несколько лет она слышит весть о его смерти: сумевшего остаться в живых в самых трудных жизненных условиях, настоящего патриота Г. Республиканца система обрекает на смерть в психбольнице.

В разделе под названием «Две встречи» автор останавливается на воспоминаниях о талантливом, известном широким диапазоном голоса и удивительным темпераментом артисте татарского театра Мухтаре Мутине. Свою встречу с артистом, достигшим совершенства в создании образа Гамлета на сцене татарского театра в 1930-е годы, любимым и почитаемым публикой, многими знатоками сцены, такими известными татарскими писателями, как М. Гафури, Г. Кутуй, Х. Туфан, А. Еники и др., автор описывает следующим образом: «...Рядом со мной тоже кто-то пристроился. Длинные звенящие кости... Сам холодный, как полено березы, принесенное с улицы. Пнул его ногой, он подвинулся, не возражал, потеснился». В свое время являвшегося настоящим мастером в роли Отелло, заслуженно признанного «хозяином» данной роли М. Мутина, обладавшего «массивным телом, излучающим силу и мощь», тоталитарная страна довела до такого состояния.

Данную трагедию И. Салахов очень трогательно изображает в коротких эпизодах. На следующий день, когда И. Салахов, бывший студент Казанского педагогического техникума, когда-то вместе со «всей Казанью» рвавшийся в академический театр на спектакль «Отелло», лишь чтобы увидеть выступление Мухтара Мутина, узнал, кем являлся его сосед по койке, он был сильно расстроен и «ни жив ни мертв». Описав таким образом свою первую встречу в лагере с известным деятелем татарской сцены, И. Салахов так же душераздирающе вспоминает правду о финале жизни М. Мутина. Он пишет о том, как на его глазах на ставшего инвалидом артиста натравляют собак. Через несколько дней И. Салахов получает весть о смерти М. Мутина.

В коротких эпизодах автор при помощи нескольких штрихов создает запоминающиеся образы видных деятелей С. Адгамова, Г. Гали, Г. Мухамметшина и др. Роман-хроника разрушает культ личности с четкой позиции писателя-реалиста, который описывает трагические дни в жизни страны и народа. Он стремится понять, в чем причины появления культа личности, вызвавшего столько горя и страданий. И вот что еще поражает в произведении И. Салахова: даже описывая увечья, нанесенные ему тюремными стражниками, изображая оставивших его без ног следователей и лагерных начальников, перечисляя все, он не теряет при этом контроль над собой и чувство реальности, старается воссоз-

дать истину и добивается своей цели. Сквозь душевную боль и страдание глядит на нас правда без прикрас, омытая кровью и горькими слезами. Порой закрадывается мысль: «А не сгущены ли краски под влиянием личной обиды?» Но гуманизм писателя, его объективное, непредвзятое отношение к своим палачам рождает в душе читателя чувство уважения к автору.

Один известный русский критик, проанализировав произведение А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», дал ему следующую оценку: «Это история поиска ответа на вопрос: можно ли остаться Человеком в Архипелаге, в обществе, которое его создало?». Данная оценка в некоторой степени подходит и произведению И. Салахова «Колымские рассказы», потому что автор на примере реальных героев и на своем примере дает положительный ответ на этот вопрос [4, б. 88].

Получив высокую оценку со стороны литературной общественности, среди произведений, написанных о сталинских репрессиях, роман-хроника «Колымские рассказы» в 1990 г. был удостоен государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая.

Summary

R.R. Gabidullin. Real Personalities in Ibrahim Salakhov's "Kolymskie Rasskazy" (Kolyma Stories).

The article views literary reflection of Stalin's repressions carried out in the second half of 20th century. Analysis is performed on the basis of Ibragim Salakhov's "Kolymskie Rasskazy" (Kolyma Stories) chronicle novel (1989). Particular attention is given to the novel episodes which actually took place in the life of real personalities of the epoch.

Key words: Ibragim Salakhov, "Kolymskie Rasskazy" (Kolyma Stories), "detention camp prose", Tatar literature, chronicle novel.

Литература

1. *Малова Ю.В.* Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2003. – 236 с.
2. *Шаламов В.Т.* Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. – М.: Республика, 1996. – 479 с.
3. *Салахов И.* О Колымских рассказах // Соц. Татарстан. – 1989. – 27 авг.
4. *Мингазова Л.* Рэнжетелгәннәр авазы // Сайланма әсәрләр. – Казан: «Хәтер» нәшр. (ТаРИХ), 2002. – Б. 5–17.

Поступила в редакцию
06.03.08

Габидуллин Равиль Ревкатович – аспирант кафедры методики преподавания и современной татарской литературы Казанского государственного университета.

E-mail: revkatovich@rambler.ru